

УДК 81'22

DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-2-90-95

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Эргешбай к. М.

Аннотация. В статье на материале русского, кыргызского и других тюркских языков раскрывается сущность понятия “лингвокультурный код”, рассматриваемый как эффективный способ погружения в инокультурную языковую картину мира и понимания национальных образов. В зависимости от культурно-экологической среды, традиций, способов и форм хозяйствования этносов приоритетными становятся для каждого из них разные коды культуры, обретающие со временем в языковом сознании людей форму архетипов. Коды культуры определяют глубинное своеобразие языков и речевое поведение личности.

Ключевые слова: лингвокультурный код; образы мира; языковая картина мира; сигнал; символ; знак; интерпретация мира; кодирование; декодирование; вторичная номинация; метафора.

ЛИНГВОМАДАНИЯТ КОДУ УЛУТТУК ОБРАЗДАРДЫ ТҮШҮНҮҮ АЧКЫЧЫ КАТАРЫ

Эргешбай к. М.

Аннотация. Макалада орус, кыргыз жана башка түрк тилдеринин материалдарына таянып, дүйнөнүн чет элдик маданий лингвистикалык көрүнүшүнө сүңгүүнүн жана улуттук образдарды түшүнүүнүн натыйжалуу ыкмасы катары эсептелген “лингвомаданий код” түшүнүгүнүн маңызы ачылат. Маданий жана экологиялык чөйрөгө, этностук топторду башкаруу салттарына, ыкмаларына жана формаларына жараша ар бир маданият ар кандай приоритеттүү коддорго ээ жана алар акыры адамдардын тилдик аң-сезиминде архетиптердин формасына ээ болот. Маданият коддору тилдердин терең өзгөчөлүктөрүн жана инсандын сүйлөө жүрүм-турумун аныктайт.

Түйүндүү сөздөр: лингвомаданий код; дүйнөнүн образдары; дүйнөнүн лингвистикалык көрүнүшү; сигнал; символ; белги; дүйнөнү чечмелөө; коддоо; декоддоо; экинчи номинация; метафора.

LINGUOCULTURAL CODE AS A KEY TO UNDERSTANDING NATIONAL IMAGES

Ergeshbai k. M.

Abstract. The article reveals the essence of the concept of “linguocultural code” based on the material of Russian, Kyrgyz and other Turkic languages, which is considered as an effective way to immerse oneself in the foreign cultural linguistic picture of the world and understand national images. Depending on the cultural and ecological environment, traditions, methods and forms of management of ethnic groups, different codes of culture become priority for each of them, which eventually acquire the form of archetypes in the linguistic consciousness of people. Culture codes determine the deep originality of languages and the speech behavior of an individual.

Keywords: linguocultural code; images of the world; linguistic picture of the world; signal; symbol; sign; interpretation of the world; coding; decoding; secondary nomination; metaphor.

Прежде чем раскрыть содержание понятия “лингвокультурный код”, попытаемся разграничить два следующих понятия – “сигнал” и “символ”. Сигнал относится к разряду физических яв-

лений, которые сопровождают реалии внешнего мира. К примеру, шум воды свидетельствует, что рядом река или ручей, молния – предвестник грозы, удары об рельсы – приглашение к обеду и др.

На сигнал реагирует как человек, так и животное. Однако в отличие от животного человек способен сам устанавливать символы, вкладывать в них определённый смысл, интерпретировать и понимать его нужным образом. Если сигнал – это просто реакция на физическое явление, то символ – это всегда интерпретация. Э. Бенвенист писал, что “способность к символизации лежит в основе мыслительных функций. Мышление – не что иное, как способность создавать представления вещей и оперировать этими представлениями. Оно по природе символично” [1, с. 29].

Следовательно, если символизация – это результат процесса интерпретации фактов реального мира, что предполагает шифровку и дешифровку национально-культурного смысла, заключённого в знаках языка, то необходим некий ключ доступа, или код, к этому содержанию. В отличие от знака символ представляет собой развёрнутый знак, в котором прослеживается смысловая мотивация между вещью и символом. К примеру, флаг Кыргызской Республики, в центре которого размещено изображение солнца с сорока лучами с тюндюком в его середине, является символом страны, значение которого мотивировано фактами истории страны, культурными ценностями кыргызского народа.

Рассуждая об именах, составляющих соматический код культуры, Д.Б. Гудков пишет, что они “обладают, помимо общезыкового, ещё и особым символическим значением как знаки вторичной семиотической системы, причём значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка” [2, с. 49]. Как правило, толковые словари не описывают эти значения, но они благодаря своим коннотациям играют определяющую роль в организации дискурса.

Так, к примеру, в дискурсе на кыргызском языке нередко можно услышать: *Оң кулагың менен угуп ал* ‘Услышь меня правым ухом’ или *Оң колумдай бала экен: жакшы жардам берип жатат* ‘Парень как правая рука: хорошо мне помогает’. Лексические сочетания *Оң кулак* и *Оң колум*, помимо прямого денотативного значения, указывающего непосредственно на предмет, имеют и символический смысл: *правая рука* как человеческая конечность, которая обладает большими функциональными

возможностями у большинства людей (по аналогии с ней и *правое ухо*) в сознании носителей кыргызского языка имеет большую значимость и несёт особый символический смысл. Сравните, несколько иной смысл имеет выражение *правая рука* в русском языке ‘первый и самый надёжный помощник, главное доверенное лицо’. К примеру, *Ты – его правая рука, тебе и ответ держать за твоего начальника*.

Отсюда мы подходим к понятию кода, который вначале появился в научно-техническом метаязыке и представляет собой некую систему символов, или знаков, при помощи которых шифруется информация, предназначенная для хранения и передачи. В естественном языке символы – это языковые знаки (слова, фразеологизмы, паремиологические средства: пословицы, поговорки, негласные выражения и др.). Данное обстоятельство позволяет В.А. Масловой и М.В. Пименовой считать, что “код – это генеративно-интерпретативный аспект языковой системы” [3, с. 26]. Это означает, что, устанавливая связи языка с внешним миром, код культуры, с одной стороны, генерирует в языковых знаках культурные смыслы, а с другой – даёт им соответствующую интерпретацию, вкладывая в них национально-культурное содержание.

Данное утверждение перекликается с мыслью Е.Д. Поливанова, выдающегося лингвиста XX века, о том, что главное в языке – это ассоциативная связь языковых знаков с внешним миром, что требует интерпретации [4, с. 178]. Это важное замечание, поскольку сущность языка видится не только в его формальном устройстве, а в большей степени в том, какое видение мира заложено в языковых знаках национального языка. К примеру, сравним выражения русского, кыргызского и турецкого языков. 1) *Из одного теста* говорят о русских людях, похожих друг на друга по характеру, взглядам. *Из другого, разного теста* – о людях, резко отличающихся друг от друга по характеру, взглядам. 2) *чийки, бышпаган камырдай* кыргызы говорят о людях нерешительных или *камырдай семиз* – о полном, тучном человеке. В турецком языке находим образ, сходный с русским языком: *başka hamurdan yoğrulmuş bir adamdır*.

В то же время сближают видение мира носителями турецкого и кыргызского языков

выражения *hamur gibi* и *камырдай эзилди* (об обессиленном, сильно уставшем человеке). В русском языке данный смысл передаётся через выражение *как выжатый лимон*, где ключевое слово *лимон* позволяет отнести выражение к растительному коду культуры. Связь между смыслом и языком всегда детерминирована условиями внешнего мира и его видением представителями того или иного этнического коллектива, результаты которого подвергаются процессу кодирования.

Одной из первых, кто обратился к понятию кода культуры, или лингвокультурного кода, была В.В. Красных. По её мнению, “культурное содержание” языковых знаков не осознаётся представителями той или иной культуры [5, с. 5]. Вследствие национально-культурной интерпретации мира, результаты которого закладываются в языковой знак, “смысл и язык на определённом уровне своего существования как бы срastaются с субстратом мышления, мозгом...” [6, с. 167]. Следовательно, человек настолько вырастает в собственный язык и культуру, что эти две сущности в его сознании составляют единое целое, образуя между собой неразрывную, естественную связь, в результате чего носитель языка становится неспособным увидеть их своеобразия и не может представить, что это могло быть как-то иначе. Как младенец в чреве своей матери не может увидеть окружающий мир, так и человек в объятиях собственной культуры не может понять своеобразия языка и культуры.

Таким образом, исследователю трудно обнаружить глубинное своеобразие родного языка, если он направляет свой взгляд на объект, находясь в его пределах. М.В. Пименова в этой связи пишет, что “постичь картину мира всегда непросто; в силу привычки мы не замечаем картину мира, отражённую в родном языке. Картину мира другой культуры можно увидеть через призму родного языка. Мы замечаем особенности своей картины мира только тогда, когда сравниваем её с чужой, иноязычной картиной мира” [7, с. 6]. Носителю русского языка может быть непонятным дословный смысл кыргызского выражения *Мен сени жакшы көрөм* ‘Я хорошо тебя вижу’ в значении *Я тебя люблю*. Глубинная семантика выражения *жакшы көрөм* зашифрована в смысле, который отложился в сознании кыргыза: я вижу

хорошо только тебя, выделяю среди многих тебе подобных, которых не вижу и не замечаю.

Естественно, что человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя, затем переключился на те предметы, с которыми он чаще всего сталкивается. Завершив этот процесс, он начал находить черты сходства между тем, что им было познано и названо, и теми реалиями действительности, которые его окружают. Логично, что он использовал названия частей своего тела для обозначения новых смыслов на основании сходства признаков. К примеру, некое сходство между соматизмом человеческой спиной ‘*бел*’ и горным перевалом позволило в кыргызском языке использовать это название для его обозначения.

В этой связи надо заметить, что процесс вторичной номинации имеет прежде всего национально-культурную специфику, благодаря чему языковой знак представляет собой не только семиотическое явление, но и становится фактом и архетипом культуры. Когда же речь идёт не об отдельных случаях переноса значения, а об использовании для целей вторичной номинации целых концептуальных систем, исследователи говорят о таком понятии, как культурный код [8]. Иначе говоря, культурный код – это вторичная знаковая система, которая заключает в себе национально-культурный смысл и служит для выражения языковой картины мира этноса. По мнению В.В. Красных, код представляет собой сетку, которую “культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют” [5, с. 5].

Подчёркивая, что коды культуры – средство универсальное, характерное человеку независимо от его языка и типа культуры, В.В. Красных проводит важную мысль о том, что “удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой” [5, с. 5]. Этот тезис легко проверить материалами русского, кыргызского и турецкого языков, где используются разные образы мира, реализованные в метафорах для передачи одного и того

содержания. К примеру, смысл *‘безнравственные люди легко найдут общий язык и смогут договориться’* в русском языке реализован через образ ворона метафорическим выражением: *Ворон ворону глаз не выклюет*, в турецком через образ волка: *Kurt kurdu yemez ‘Волк волка не съест’*. Интересно при этом заметить сходство кыргызской метафоры с русской, а не с турецкой: *Карга карганын көзүн чокубайт*, когда реализуемый смысл обозначен и увиден через образ ворона. Мы не находим этого выражения в известном словаре К.К. Юдахина, что наводит на мысль, что данная поговорка явилась результатом калькирования русского выражения благодаря близким контактам культурно-смысловых пространств кыргызов и русских.

Другое определение культурного кода находим у Д. Гудкова и М. Ковшовой: *“...Культурные коды – вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума”* [8, с. 8]. Учёные приходят к выводу, что культурные коды представляют собой систему знаков, которые несут в себе национально-культурные смыслы, добытые человеком в процессе познания мира. Они обладают свойством определённым образом организовываться и иерархически упорядочиваться.

Культурный код формируется постепенно в ходе историко-культурного развития этноса, аккумулируя в форме архетипов и образных представлений сведения о прошлых состояниях народа. Они включают в своё содержание взгляды, интерпретации, коннотации и оценки фактов окружающего мира, сделанные с позиций носителей данного языка и культуры. Со временем культурный код, отражённый в языковых знаках, становится способом, своеобразной призмой, через которую члены языкового коллектива смотрят на мир. Такая призма, закреплённая в языковых формах, становится не только привычным средством общения, но и способом передачи информации к последующим поколениям.

Особый смысл приобретает понятие кода в лингвокультурологии, где в работах В.Н. Телии, В.В. Красных, В.А. Масловой, М.В. Пименовой, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой,

С.М. Толстой и других активно разрабатывается проблема видения языка через призму кодов. При этом специалисты обращают внимание на следующие обстоятельства: во-первых, национально-культурная информация, заключённая в формах национального языка, скрыта и закодирована в семантической структуре слова, в сочетаниях лексем, фразеологических, паремиологических и синтаксических средствах; во-вторых, национально-культурный код возникает при условии, когда факт культуры, реализованный в языке, является принадлежностью не отдельно взятого человека, а достоянием всего общества, благодаря чему им активно пользуются большинство членов языкового коллектива [3, с. 25].

Национально-культурный характер кодов культуры проявляется также в смыслах, которые несут единицы невербального кода русского и кыргызского языков. Сравните: русск. *кусать локти* и кыргызского *бармагын тиштөө*, которые выражают одинаковый смысл – *‘растравиваться, сожалеть об упущенных возможностях’*. Национально-культурная специфика в том, что для русского человека смысл выражения закодирован в том, что он кусает локти, а кыргыз – палец.

Результаты кодирования национально-культурного смысла не доступны прямому наблюдению, не лежат на поверхности, они “закодированы”, и поэтому необходим ключ доступа для понимания этого содержания, заключённого в семантике языковых выражений (В.А. Маслова, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия, П.К. Кадырбекова). К примеру, национально-культурная информация зашифрована в кыргызском выражении *Кабырга менен кеңешип келейин* – *‘схожу посоветоваться с ребром’*. Так говорят мужчины, когда необходимо принять важное решение. Ребро – это жена, с которой надо посоветоваться, чтобы решить важный для семьи вопрос.

Лингвокультурный смысл закодирован в названии рассказа Ч. Айтматова *“Атадан калган туюк”* *‘Копытце, оставшееся после отца’*, которое непереводимо на русский язык путём использования тех же образов. С учётом языковой картины мира в сознании русскоязычного читателя рассказ Ч. Айтматова получил название “Солдатёнок”, где внутренняя структура этого слова указывает при помощи суффикса *-онок*

лишь на невзрослость главного героя, оставляя за кадром другие национально-культурные смыслы, заключённые в кыргызском названии.

Применительно к русскому языку В.В. Красных в качестве базовых кодов культуры, которые соотносятся с архетипическими представлениями русских людей, выделяет следующие шесть лингвокультурных кодов: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный.

Классификация кодов культуры, предложенная В.А. Масловой и М.В. Пименовой, строится на принципе тематической принадлежности ключевого слова языкового выражения [3, с. 71]. Так, к примеру, в языковых выражениях: русск. *Жить как кошка с собакой*; кырг. *Ит менен мышыктай жашайт*; тур. *Kedi köpek gibi yaşamak* ключевыми являются слова *кошка с собакой*, *ит менен мышык*, *kedi köpek*, что позволяет выделить зооморфный код культуры.

Исходя из критерия тематической принадлежности слова языкового выражения, В.А. Маслова и М.В. Пименова выстраивают следующую систему кодов культуры:

Коды культуры:	1) стихийный	8) перцептивный
	2) вещественный	9) зооморфный
	3) пищевой	10) антропоморфный
	4) предметный	11) колоративный
	5) вегетативный	12) пространственный
	6) витальный	13) темпоральный
	7) соматический	14) духовный

Так, к примеру, стихийный код культуры вырастает на базе ключевых слов *вода, огонь, камень, воздух, поток* и др. Примеры: *сердце не камень, поток людей; таши боор, жалын жүрөк, элдин агымы; таş gibisin, para su gibidir*.

Исследователи отмечают, что “в разных культурах одним и тем же кодам отдаётся разное предпочтение. Так, для англичан чрезвычайно важен спортивный код, для русских – соматический” [3, с. 71].

Полагаясь на материалы нашего исследования, мы исходим из допущения, что культурно-экологическая среда определяет актуальность кода “культура”. Кочевая культура и хозяйственная деятельность кыргызов, ориентированная на животноводство, оказали прямое влияние на формирование архетипов сознания и языковую

картину мира кыргызского народа. Для кыргызов разведение скота было главным занятием, животные были частью их существования: они жили бок о бок с людьми, а молочные продукты и мясо составляли их основной рацион пищи. Каждый кыргыз умел резать барана, сызмальства знал устройство внутренних органов животных. Он наблюдал, к примеру, что печень животного гладкая, и она является органом, где сосредоточивается его кровь и очищается. Поэтому у кочевых народов, в частности у кыргызов, появилась возможность смотреть на мир через слово *печень*, которое стало нести, кроме своего основного денотативного значения, и метафорические смыслы: словом *боор* ‘печень’, кроме вышеназванных, стало возможным обозначать пологий склон горы.

В этой связи необходимо отметить, что для тюркских народов ведущую роль в видении мира играют соматический и зооморфный коды культуры, так как они отражают архетипичные представления людей начиная со времен общетюркского единства. Благодаря тому, что *боор* ‘печень’ является местом, куда стекается кровь, то данным словом стали обозначать и кровных родственников. Сравните, тур. *canım, ciğerim!* ‘душа моя! жизнь моя! мой родной!’; *ciğerlar* ‘друзья (обращение)’; кырг.: *В последнее время то на том, то на другом краю айла часто слышатся траурные крики мужчин: “Боорумой! Боорумой! Боорумой!” – кричат они, раскачиваясь в сёдлах из стороны в сторону* (Ч. Айтматов); узб.: *жигарим* ‘мой близкий родственник; мой родной’, *менга жигар бўлади* ‘он мне приходится родней’ *жигар-бағрим кабоб бўлди* ‘сердце моё испепелилось’. Таким образом, “телесный код культуры кыргызов имеет билатеральный характер: с одной стороны, он формируется из архетипических представлений, сложившихся на основе внутренних органов животных, перенесённых на внутренние состояния человека, а с другой – на базе различных ассоциаций, связанных с частями тела самого человека” [9, с. 162].

В.В. Колесов и М.В. Пименова указывают на функцию кодов культуры, а именно на их способность классифицировать, категоризовать, структурировать и оценивать свой внутренний и окружающий человека мир, отмечая,

что “код культуры – это таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего мира (физические и психические явления)” [10, с. 101].

В этой связи единицы телесного кода кыргызов с точки зрения выполняемой функции и сферы применения М.Дж. Тагаев делит на два крупных разряда: 1) лексика и языковые выражения для описания внешнего пространственного мира; 2) лексика и языковые выражения для характеристики внутреннего мира человека [9]. Если для описания мира действительности используются названия частей человеческого тела, то для характеристики внутреннего мира применяются как названия человеческого тела, так и единицы зооморфного кода культуры. К примеру, сплахнонимическая лексика (названия внутренних органов: пищеварительных, дыхательных, мочеполовых) может использоваться путём вторичной номинации для обозначения, к примеру, легкомысленного, хвастливого человека называют *өнкө* ‘лёгкие’, которое присутствует в выражении *өнкөсү жок* ‘у него нет лёгких’ со значением ‘напускная, показная храбрость’. Сравните, также *карын* ‘желудок, утроба’ от него образуются слово *карындаш* ‘единоутробный’ в значении ‘младшая сестра по отношению к старшему брату’. Этот смысл настолько сросся с языковой формой, что её внутренняя форма почти не ощущается носителями кыргызского языка, что превращает слово *карындаш* в “стёртую метафору”. При одинаковой внутренней форме в тюркских языках создаются “стёртые метафоры” с разными значениями. Так, в узбекском языке слово *qarindoshlar* имеет значение ‘родственники’, в турецком *kardeş* – это брат, а с уточнением *kız kardeş* – младшая сестра.

Для номинации реалий внешнего пространственного мира применяется концептуальная система телесного кода самого человека, которая используется как трёхмерная призма, через которую носитель кыргызского языка видит окружающую горную реальность. Ср., *төбө* – ‘макушка’, *бел* – ‘спина’, *төш* – ‘грудь’, *жал* – ‘грива’, *чеке* – ‘лоб’, *далы* – ‘лопатка’, *кабырга* – ‘ребро’ и другие в результате метафорического

переноса системно используются для обозначения реалий горного ландшафта [9, с. 162].

В заключение отметим, что использование понятия “лингвокультурный код” является важным инструментом, ключом к пониманию национальных образов, способом погружения в языковую картину мира того или иного этноса. Данный метод позволяет выявить глубинные культурно-смысловые различия между языками, понять мотивы речевого поведения людей, принадлежащих к разным языковым коллективам.

Поступила: 10.09.21; рецензирована: 24.09.21;
принята: 29.09.21.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М.: Прогресс, 1974.
2. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Д.Б. Гудков, отв. ред.: В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26.
3. Маслова В.А. Коды лингвокультуры / В.А. Маслова, М.В. Пименова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
4. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968; Яковлев А.А. 3 определения языка / А.А. Яковлев, Е.Д. Поливанов // Вопросы психолингвистики. 2020. 1 (43).
5. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001.
6. Брудный А.А. Наука понимать / А.А. Брудный. Бишкек, 1996.
7. Пименова М.В. Концепт сердце: образ, понятие, символ / М.В. Пименова. Кемерово, 2007.
8. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2007.
9. Тагаев М.Дж. Образ мира в языковом сознании киргизов через призму телесного кода культуры / М.Дж. Тагаев // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 9.
10. Колесов В.В. Языковые основы русской ментальности / В.В. Колесов, М.В. Пименова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.